

Когда Бааль-Шем-Тов был при смерти, к нему пришел ученик с книгою и сказал: “Здесь я записал ваши слова. Это Тора Рабби Израэля¹”. Его наставник прочел записанное и ответил: “Все эти слова — не моя Тора”.

Хасидская легенда

1 Израэль Бааль-Шем-Тов (Бешт, настоящее имя — Израэль бен Элиэзер, 1698–1760) — основатель хасидизма.

Часть первая
Геинном и после

Глава первая

Сказано:
Перед смертью Йосефа всех трех детей Розенталь призвали по очереди в мансарду, где Йосеф провел заключительные десять лет своей жизни, в комнате с прилегающей к ней ванной и кухней; все покрывала пыль, последняя домработница уволилась несколько недель назад, и искать ей замену не было необходимости. Товия, младший, шел третьим. Ему не сообщили, что это его последний разговор с дедом, однако наверх пустили только умытым и в чистой рубашке. Мать, держа Товию за плечо, водила щеткой по его спутанным волосам.

— Больно, — сказал Товия.

— Жизнь — боль, — ответила мать и поправила ему воротник.

Старик лежал под грудой одеял, откинувшись на подушки, поза его воплощала не отдых, но изнеможение. Веки зейде¹ были плотно сомкнуты,

¹ Дедушка (*идиш*). Здесь и далее прим. перев.

и Товия решил, что он спит. Но зейде окликнул его по имени, точно напомнил себе, как зовут этого мальчика.

— Я здесь, — сказал Товия.

Старик поморгал и открыл глаза. Осведомился, хорошо ли учится внук. Еще бы! За последнюю домашку по математике Товия получил девятнадцать из двадцати, а другие не больше пятнадцати. О том, что после урока Джек Томас сделал ему крапивку — поздравил с успехом, — Товия умолчал.

Зейде закашлялся, но вскоре лицо его обрело привычное хмурое выражение.

— Гут¹.

Деда он боялся все детство. Самое раннее воспоминание Товии — они с Элси упоенно швыряют об пол стеклянные шарики, из мансарды с топотом спускается дед и кричит на них: “Пять минут посидите спокойно! Неужели так трудно?” Старик размахивал тростью, и Товия испугался, что ее рукоятка в виде орла вот-вот его клюнет.

Но болезнь изменила деда. Руки его тряслись, слова застревали в горле. Вглядевшись, Товия заметил красные пятна под выцветшими глазами зейде, почти бесцветными, как белки сырого яйца. Куда девалась прямая осанка, резкость, пронзительный взгляд, под которым сникала даже мать Товии?

Теперь зейде дышал прерывисто, хрипло. Вдруг он совсем перестанет дышать, подумал Товия, и я увижу тот миг, когда дед переступит черту? А если старик умрет у меня на глазах? Что тогда? Сэм

1 Хорошо (*иди*).

Моррис, по выходным вдалбливавший мальчишкам вроде Товии начатки иврита — занятие, вызывавшее у Морриса огромное раздражение, но приносявшее и каплю садистического удовольствия, — на вопрос о загробной жизни ответил уклончиво. “Нам это знать не положено”, — сказал он и переменял тему.

Дыхание зейде выровнялось. Он попытался сесть, поманил к себе внука. Так вот для чего он здесь. Дед на прощанье дарует ему великое откровение, нечто такое, что Товия пронесет через всю жизнь.

— Не заставляй меня кричать, — пригрозил зейде, и Товия приблизился к его постели.

Старик упрямо поднялся, привалился к передней спинке кровати и замер. Казалось, усилие пошло ему на пользу. Голос его звенел настойчивее, яснее.

— Второй сын особенный. Авель был вторым сыном. Исаак был вторым сыном, Иаков был вторым сыном. Я сам был вторым сыном, и ты тоже второй сын. Не Гидеон, ты.

Товия решил, что ответа не требуется, и молчал. Слышал он эту проповедь. Зейде продолжал:

— Скажи мне. Ты веришь в Бога?

Вопрос огорошил ударом из темноты.

— Разумеется. — Товия вдавил пальцы ног в ковер.

— Ничего не разумеется.

Зейде снова закашлялся, повисло молчание.

— Смотри. — Дед до боли медленно — как все, что делал теперь — засучил рукав ночной сорочки. Товия был бы рад, если бы зейде остановился, не показывал ему дряхлую руку.

— Знаешь, что это? — спросил зейде, придерживая рукав над локтем.

Товия, онемев, таращился на белое предплечье. Гусиная кожа, эти страшные черные метки.

— Знаешь, что это значит?

Товия кивнул.

— Не знаешь. Это значит, есть люди, которые считают себя вправе решать, кто человек, кто не человек. — Дед примолк, почесал дряблый локоть и продолжал: — В жизни без Бога нет смысла. Какой там смысл? Не трясись головой. Что для тебя важно?

Ответить Товии было нечего.

— Думаешь, Бога волнует, что ты не веришь в Него? Бог смеется.

Товия по-прежнему не произнес ни слова. А вскоре в этом отпала нужда: зейде исчерпал оставшиеся у него жалкие крохи сил и откинулся на подушки. Глаза его закрылись. Дед снова заговорил, спросил внука, давно ли тот видел Ариэля. Товия не впервой слышал такие речи — нить обрывается, вопросы из ниоткуда. Но никакого Ариэля он не знал.

Дед не унимался:

— Элси с ним иногда играет. Он еще маленький. Будь помягче.

— С кем?

— С Ариэлем! Послушай. У него краска на лице. Вот тут.

Зейде постучал себя по правой брови, и Товию кольнуло воспоминание. Очень смутное, тень на краю сознания. Однажды давней ночью его разбудили голоса из комнаты Элси. Он подкрался на цыпочках, гадая, с кем Элси болтает. Из-за приоткрытой двери сочился свет. Товия заглянул в щелку и увидел лицо Элси в свете настольной лампы. В из-

ножке кровати, сложив на коленях руки, сидел мальчик не старше Товии. Мальчик был незнакомый. Над глазом у него чернело пятно — наподобие тех, что бывают у коров, подумал Товия. Мальчик заговорил, но язык был не английский.

Товия сам не знал, воспоминание это или сон. Слишком расплывчатое. Зейде меж тем пожегился.

— Куда я иду? — спросил он.

Товия не понял.

— Меня будут держать взаперти или отпустят на волю?

Мальчик потупился. Ответа не требовалось, дед опять бредит, разговаривает сам с собой.

— Послушай! — произнес зейде, снова заметив внука. — Присматривай за Элси. И за Гидеоном. Второй сын защищает других, да? Он несет факел. А теперь помоги мне переложить подушки. Они царапаются. Дрянные куриные перья!

Когда это было исполнено, дед попросил Товию наполнить стакан на тумбочке у кровати. Мальчик медлил. Может, что-то еще? Но скрюченный дедов палец и суровый взгляд прогнали его прочь.

Товия направился было на кухню, но на лестничной клетке его караулили брат и сестра. Они отвели его в комнату Элси, Гидеон закрыл дверь.

— Ну?

Товия колебался. Из всей семьи Элси была ближайшим его союзником; примерная дочь, она всегда оправдывала перед родителями его мелкие преступления: съел шоколад и запил молоком незадолго до воскресного жаркого, бессонной шабатней ночью включил свет в туалете, чтобы видеть, куда пи-

сает. Но в присутствии Гидеона ему делалось неуютно. Брату уже исполнилось шестнадцать, голос его по-мужски огрубел, и Гидеон специально не закрывал дверь в ванную, когда перед зеркалом густо намазывал щеки кремом для бритья. Изменилось не только его тело. Интересы его тоже стали другими, он уже не участвовал в играх и выдумках, заполнявших свободное время Элси и Товии.

— Да ладно, чего ты, Тувс, — снова заговорил Гидеон, — мне он сказал, что я вылитый его брат Мендл, кажется, тот был героем войны, и еще он сказал, что я перееду в Израиль. Элси вообще заявил, что она пророчица.

Элси цокнула языком.

— Он сказал, что я слышу глас Божий.

— Это одно и то же. А у тебя что?

Товия перевел взгляд с лица брата, налитого, словно поднявшееся тесто, на сестру. Ему хотелось поговорить с Элси наедине.

— Он сказал мне, что второй сын особенный. Как Исаак.

Гидеон помолчал, ожидая продолжения, и наконец уточнил:

— И всё? Только урок из Торы? Я понимаю, ты у него не любимчик, но это какая-то хрень.

Элси, судя по ее виду, о чем-то раздумывала.

— Зейде что, считать разучился? Я вторая в семье.

Гидеон покачал головой.

— Ты девчонка. Девчонки — не сыновья.

— Не придирайся.

Товия понимал: упомяни он о том, что зейде поручил ему защищать остальных, его поднимут

на смех. Ну почему дед не предсказал ему дивное будущее, что-то такое, чем можно похвастаться перед братом? Это несправедливо, как и многое другое.

— Еще он показал мне татуировку! — выпалил Товия.

— Да ладно, — усомнился Гидеон.

— Честное слово!

Гидеон рассмеялся.

— Разумеется, он показал тебе свою руку. Он ее вечно всем тычет. — Гидеон засучил рукав, уставился на свое предплечье и с деланным ужасом ахнул.

Элси шлепнула его по колену.

— Ну он-то раньше не видел.

— Ладно, ладно, согласен. — Гидеон опустил рукав. — Такая херня действительно пробирает. Особенно в твоём возрасте. А с чего он вдруг тебе ее показал?

— Зейде хотел, чтобы я увидел ее, — ответил Товия.

— Точно не попугать?

— Точно.

— Я впервые увидел ее на каникулах. То ли в Борнмуте, то ли в Кромере, то ли еще где, в каком-то засранном городишке на побережье, куда нас таскали в детстве. Тебя тогда еще не было, Тувс. Мы раздевались на пляже, и я сказал: “Ух ты, зейде, у тебя татуировка! Круто!”

— Я так полагаю, он тебе врезал, — сказала Элси.

— Еще бы. “Ну-ну, — сказал он. — Енто вовсе не круто”. И как вlepит мне подзатыльник, я аж упал. А Ханна мне объяснила, что он эту татуировку не хотел, ему сделали ее злые люди. Я долгие годы думал, что старик наш был типа гангстером.

Убедившись, что больше из брата ничего не вытянешь, Гидеон пошел готовить ужин — пояснил, что у Эрика с Ханной наверняка не будет настроенная этим заниматься. Привычка называть родителей по имени у Гидеона тоже появилась недавно. Элси этого не любила. Считала претенциозным — этого слова Товия не знал.

Брат с сестрой наконец-то остались вдвоем, Элси уставилась на Товию, лицо ее смягчилось.

— Зейде сказал тебе, что хочет, чтобы его кремировали?

Этого слова Товия тоже не знал. Но, будучи сообразительным, мигом догадался. Черные двери скрывают внушающий ужас свет, сияние, рыжее пламя. Пахнет гарью, как после барбекю.

Несколько дней назад Товии не спалось, он вышел из комнаты и уселся на верхней площадке. Вцепившись в перила лестницы, он слушал загадочный диалог родителей в гостиной. Спор. Мать утверждала, что зейде хочет, чтобы его сожгли. В последние месяцы она каждый день поднималась к нему в мансарду, сидела и слушала старика. Что само по себе странно, поскольку со свекром у матери отношения были сдержанные, даже холодные. Но с тех пор, как она забрала себе в голову написать книгу о его жизни, они сделались неразлучны. Эрику это не нравилось.

Не нравилась ему и кремация.

— Невозможно, — отрезал Эрик.

Товия понимал почему; он спустился на несколько ступенек, чтобы лучше слышать. Традиция требует, чтобы мертвых предавали земле. Все прочее — святотатство.